

РАЗВЕДКА

41го

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ

КРЫМСКОЕ
ЗАРЕВО

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Художник — *Борис Аджиев*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Крымское зарево / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Фронтовая раз-
ведка 41-го. Боевая проза Тамоникова).

ISBN 978-5-04-194649-4

Битва за крымский плацдарм в самом разгаре. На одном из участков фронта разведчики капитана Глеба Шубина захватывают группу предателей, завербованных немцами для диверсий в нашем тылу. Один из них, радист Кузьма Щедрин, испугавшись заслуженной кары, соглашается сотрудничать с контрразведкой. По задумке Шубина, Щедрин должен будет передать сообщение о том, что советская авиация готовит удар по месту, где расположен штаб абвера. Шубин уверен, что для отхода высокие немецкие чины воспользуются бронепоездом, который наши разведчики будут поджидать на заминированном участке железной дороги. Командование дает «добро», и капитан со своей группой уходит на задание, не предполагая, какие неожиданные сюрпризы ожидают его впереди...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-194649-4

© Тамоников А.А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ПРОЛОГ

«От советского Информбюро, сводка на 1 декабря 1943 года. — Капитан фронтовой разведки Глеб Шубин вместе с десятками остальных бойцов, затаив дыхание, вслушивался в каждое слово диктора. — Северо-западнее Гомеля наши войска продолжили наступление. Части гомельского соединения, отражая контратаки немцев, продвинулись вперед и заняли несколько опорных пунктов обороны противника. Особенно упорные бои происходили за населенный пункт Яблоневка. Немцы сосредоточили на его подступах много артиллерии, пулеметов и оказывали яростное сопротивление. Советские части фланговыми ударами дезорганизовали оборону немцев и после рукопашной схватки овладели оккупированным пунктом. На поле боя остались сотни вражеских трупов и много вооружения противника. Части другого соединения за день уничтожили свыше 400 вражеских солдат и офицеров».

Пожилой усатый сержант от переполняющих его чувств ткнул локтем в бок своего соседа, бледного высокого молодого мужчину с темными волосами, в ватной куртке, накинутой на китель с погонами капитана:

— Слышал, слышал? Яблоневку нашу освободили! Я оттуда — с Гомельщины, с Яблоневки. У нас яблоки — вот такие, по всей деревне растут, от того и Яблоневка. — Большие, с черными отметинами от оружейной смазки и пороха, пальцы соединились в кольцо, чтобы показать размер плодов, которые росли на родине обрадованного сводкой сержанта.

На него со всех сторон зашикали, чтобы не мешал слушать радиотрансляцию. Радиоточка — черный, хриплый рупор — была примотана толстым шнуром прямо к уличному фонарному столбу и вещала громко, так что звуки разносились по всей улице. Но все равно и жители Дмитровки, и военные, что развернули штаб в освобожденном населенном пункте, раненые, которых лечили в военно-полевом госпитале, замирали, не издавая ни звука во время ежедневных трансляций. Они вслушивались в каждое слово, сжимали руки в кулаки при сообщениях об упорном сопротивлении гитлеровцев. А когда диктор сухо рассказывал о победах Красной армии, люди радостно переглядывались, в глазах светился огонек надежды: наконец, нако-

нец советские воины стали побеждать, теперь они каждый день освобождают километры родных земель от проклятых фашистов, от Гитлера, который уже был уверен в своей победе на территории СССР! Люди мерзли на зимнем ветру до костей в своей прохудившейся одежде, местные ребятишки жались, будто растрепанные воробышки, в своих рваных обмотках под скудным декабрьским солнцем, их животы сводило от привычного ощущения голода. Но каждый день ручейки из солдат, офицеров, женщин, стариков, детей стекались к деревенскому пятачку у большой избы, где раньше располагалось правление местного колхоза. И с надеждой, с радостным чаянием люди ждали, замирали и поднимали бледные лица в сторону черного раструба на столбе, ловили каждое слово диктора.

Вместе со всеми капитан Шубин каждый день ходил к штабу, чтобы узнать новости с фронта. Хотя линия двух территорий — оккупированной и уже освобожденной — была буквально в пятидесяти километрах от Дмитровки, и все же здесь фронтовой разведчик не чувствовал привычного присутствия войны. В небе не ухали артиллерийские снаряды, оно радовало глаз чистой голубизной или яркой россыпью звезд, а не было спрятано за траурной вуалью пороховой гари; в воздухе разносились мирные ароматы свежеприготовленного обеда с полевой кух-

ни и натопленных печей в домах; днем в деревне слышался гул голосов военных, крики детей, которые крутились рядом с бронированной техникой, скрип колодезных уключин, стук топоров, а не стрекот пулеметных очередей или отчаянные приказы: «В атаку! Вперед! Огонь!»

Глебу нравилась мирная жизнь. Он с удовольствием каждый день, не дожидаясь своей очереди дежурить во временной казарме, колол обгоревшие бревна на дрова, а потом приносил из колодца ледяную воду и умывался прямо из ведра, пока не начинало ломить зубы и затылок от холода.

Днем приятные хлопоты отвлекали разведчика, а вот ночью было тяжело. Капитан лежал на деревянных досках с самодельной подстилкой из гниловатой соломы и часами прислушивался к храпу и сопению спящих соседей.

Официально после прибытия с территории военных действий, или проще — передовой, фронтовик находился все еще на лечении в большом военно-полевом госпитале, который развернули в уцелевших домах Дмитровки. Во время оккупации здесь располагался немецкий штаб сивашского плацдарма, поэтому в деревне осталось много домов без повреждений от бомбардировок. Они сохранились с крышами, целыми окнами и даже домашним скарбом внутри, но пустовали: все работоспособное

население деревни угнали в Германию во время оккупации, остальные жители укрылись в лесах, объединившись в партизанские отряды. В самой Дмитровке остались беспомощные старики, горстка женщин и несколько десятков ребятишек разных возрастов.

Вместе с другими легкоранеными бойцами капитана фронтовой разведки Глеба Шубина разместили в одной из пустующих изб. Днем они ходили на уколы, на осмотр к госпитальным хирургам, потом на перевязки к медсестрам в застиранной белой форме, дальше помогали местным восстанавливать хозяйство в деревне или уезжали на стройку переправы через залив, что шла полным ходом из частей разобранной железнодорожной ветки.

Как и все выздоравливающие, прибывшие с передовой в тыловую часть для лечения, капитан Глеб Шубин изо всех сил старался быть полезным. Он не давал себе ни минутки отдыха, стараясь устать так, чтобы вечером мгновенно уснуть без снов и тяжелых мыслей. Но ночью чуткий, тонкий, как паутинка, сон разведчика мгновенно прерывался от тихого скрипа или вздоха товарищей. Только просыпался мужчина не в темной избе: раз за разом он оказывался то на поле среди мертвецов, то в лесу в окружении трупов разведчиков из своей группы. И за эти несколько секунд между сном и реальностью

капитана Шубина скручивало от невыносимой ярости, горького отчаяния из-за своей беспомощности. Его товарищи были мертвы, а он находился на территории врага рядом со смертью.

В этот момент Глеб просыпался, мокрый и дрожащий от душевной боли, из горла, казалось, рвался крик, сердце заходило тревожным перебоем. Капитан осторожно выскальзывал по скрипучим половицам казармы за дверь, на свежий воздух. Там он шептал беззвучно одними губами, произнося в ледяное черное небо клятву:

«Я отомщу, отомщу за вас. За каждого! Я вернусь на фронт, на передовую, и буду мстить за вас. Я не прошу, не забуду никогда. За каждого убитого ответят фашисты! Каждого помню, земля вам пухом, ребята».

ГЛАВА 1

Утро капитана разведки Глеба Шубина начиналось уже несколько недель одинаково. Он заходил в каморку, где по утрам осматривала выздоравливающих бойцов сухонькая Лидия Захаровна, врач-хирург военного госпиталя. Он здоровался и сразу принимался исполнять привычный ритуал: закрывал глаза, прикасался мелко подрагивающими пальцами к кончику носа; открывал глаза и вытягивал вперед руки, пока серые глаза внимательно наблюдали за небольшой дрожью и замедленными движениями ладоней и видели то, что он так упрямо пытался скрыть.

Лидия Захаровна опять качала головой, скидывала тонкую руку при виде выражения на лице разведчика:

— Никаких споров, товарищ капитан. Тратите мое и чужое время, за дверью очередь из пациентов. Мы в армии, и тут мой диагноз — приказ. Продолжаем лечение, выполняйте.

Глеб делал несколько шагов к двери, все же на ходу он пытался доказать свою правоту:

— Я работаю над моторикой, как вы и сказали. Каждый день упражнения, питание, сон, воздух. Здоров уже как бык, товарищ хирург, когда меня выпишете, когда на фронт можно будет?

В ответ Лидия Захаровна хмурила почти бесцветные брови:

— Голова — это не нога, а контузия после удара взрывной волной — не перелом и не пулевое ранение. Дайте сосудам в вашей голове время на восстановление. Интенционный тремор — признак поражения мозга. — Сухой палец касался седого виска. — Голова — штука сложная, руки и ноги лечить мы умеем пока лучше, чем голову. Занимайтесь, отдыхайте, восстанавливайтесь. Как только будете здоровы, разрешу вернуться на передовую. Все, капитан Шубин, выполняйте приказ и пригласите на осмотр следующего.

Раздосадованный очередным отказом, Глеб после встречи с врачом шел быстрыми шагами по коротким деревенским улочкам к большому сараю, где оборудовали общую кухню для гарнизона и госпиталя.

Широкое светлое помещение с оконцами под самой крышей было заполнено мешками и ящиками, посередине на двух больших столах орудовал повар — старик Федотыч. Колченогий и сле-

пой на один глаз, он удивительно ловко управлялся с кухонной утварью, покрикивал на своих помощников, прикомандированных из легкораненых, юрко перемещался с большим черпаком в руках то на улицу к огромным котлам, то обратно в сарай к столам, где стучали ножи, раздавался запах овощей, хлеба, круп. Здесь, под присмотром Федотыча, Глеб Шубин разрабатывал свои непослушные руки, восстанавливал связь между мозгом и телом, как выражалась Лидия Захаровна, помогая на кухне старому повару с готовкой пищи для госпитальных больных и военных гарнизона.

Сегодня, как и обычно с утра, Федотыч шумно подгонял своих помощников, торопясь накормить сотни человек завтраком. Впереди еще обед и ужин, а потом уборка, мойка котлов. Старик торжественно опустил небольшой кусок сливочного масла в котел с кашей, размешал его и прогудел двум парнишкам с перевязанными головами:

— Тряпицей прикройте сверху от грязи, вот так! — Помощники ухватились с двух сторон за металлическую дужку и понесли завтрак в сторону госпиталя. Старик не отводил от них зоркого единственного глаза, поучая на прощанье: — Ну все, тащите до госпиталя. Да не торопитесь! Да в ногу, в ногу шагайте, растудить вас! В ногу, а то расплещете все! Половина прови-

анта потом на тряпке останется! Ведро сразу на колодце ополосните, чтоб не присохло! Ох, безрукие, ох, помощнички.

Старик ворчал себе под нос по привычке, а сам уже шагал к большому настилу с навесом у сарая, где стояли два больших ведра, полные свежей рыбы. Он поманил узловатым, дубовым от порезов и мозолей, пальцем разведчика, запустил руку на глубину и вытащил за хвост узкую серебристую рыбешку:

— Вот чего нарыбачили ребятишки местные за ночь! Вчера им буханку чернухи выдал, а они утром, смотри-ка, что принесли. Сегодня на ужин ушица будет наваристая! Бери нож, капитан, да за дело. Чистил рыбу?

— Таковую мелкую ни разу, — признался Глеб, глядя на крошечных, с ладошку, рыбешек, что плескали хвостами в ведре.

Федотыч ловко вытянул первую попавшуюся рыбу за хвост и с размаху стукнул ее об стол, кончик ножа за несколько секунд срезал плавники и хвост, отделил голову. Отточенным движением повар вспорол брюхо, вытянул кишки и отшвырнул их в пустой котелок:

— Вот так, кишки сюда скидывай. Ребятишки ночью на раков с ними пойдут. — Во все стороны брызнула серебряная чешуя. — Счищаешь вот так, а потом поддел ножом, и все. Хребтину в это ведро, мясо — в котел. Запомнил?

Шубин неуверенно кивнул: уж больно ловко управился Федотыч со скользким тельцем, — куда ему с дрожащими пальцами вот так же шустро орудовать ножом. Правда, повару не было дела до сомнений разведчика, он уже ополоснул ладонь в ведре с рыбами и заторопился в сарай. Глеб же остался один на один с двумя ведрами мелкой рыбехи. Неловкие пальцы ухватили нож, второй рукой он долго пытался поймать верткую серебрянку в ведре, чертыхнулся, замочив рукав почти до плеча, но все же выудил себе добычу. Это было лишь началом его мучительных попыток повторить ловкие и отточенные движения Федотыча. Пальцы не слушались, направляли острие мимо, отчего то и дело на ладонях оставались царапины.

Через час кожу саднило от воды, крови рыб и бесчисленных порезов. Федотыч с огромной кастрюлей в руках, полной крупно нарезанной свеклы, проходя мимо к кострам, сухо бросил:

— Так дело не пойдет, до весны возиться тут будешь. Давай лучше, как обычно, за картошку садись.

— Нет! — Глеб сам не ожидал, что ответ получится таким резким. Он выкрикнул его, выплеснув внутренний протест и недовольство своей болезнью. Схватил нож и с силой отсек голову очередной жертве. — Я сделаю! Я смогу!